

Оригинальная статья

УДК 316.344

JEL J08

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383

EDN COKBXX

Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть II¹

Жан Терентьевич Тощенко^{1,2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
(zhantosch@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-7729-3660>)

² Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

Аннотация

Во второй части статьи анализируется отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке. Показывается, как сформированный в годы первых пятилеток культ труда получил новый импульс развития сначала в годы восстановления народного хозяйства, а затем в ходе выполнения таких стратегических целей как освоение целины, строительство новых городов и предприятий в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, что было связано с освоением природных богатств этих регионов. Значимость труда усиливалась и в процессе реализации Атомного и Космического проекта, что тоже способствовало укреплению величия труда. В этой связи раскрываются формы и новые инициативы работников производства, рождённые при выполнении этих проектов в 1950–1980-е годы. Вместе с тем анализируются начавшиеся созреть потребительские установки в сознании и поведении людей, которые наиболее ощутимо проявили себя в годы перестройки. Затем показывается, как в условиях новой России ряд принципиальных положений о роли и значимости труда подвергся коррозии и на первое место среди ценностных ориентаций стал выходить *культ потребления*, который постепенно становился ведущим среди мотивов поведения значительного количества работников отраслей национальной экономики и культуры. На основе статистической и социологической информации раскрываются причины такого изменения в отношении к труду, а также последствия, приведшие к серьёзным, в том числе к негативным явлениям в общественной жизни в результате культивирования потребительных установок и ориентаций.

Ключевые слова: СССР, Россия, труд, культура, экономика, перестройка, занятость, рыночные реформы, потребление

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00093.

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть II // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 3. С. 371–383. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383 EDN COKBXX

RAR (Research Article Report)

JEL J08

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383

Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part II²

Zhan T. Toshchenko^{1,2}

¹ The Russian State University for Humanities, Moscow, Russia
(zhantosch@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-7729-3660>)

² Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the attitude towards work in the Soviet Union in the second half of the 20th century and in the conditions of the new Russia in the 21st century. It is shown that the cult of labor formed during the years of the first five-year plans received a new impetus for development, first during the years of economic recovery, and then during the implementation of such grandiose social tasks as the development of virgin lands, the construction of new cities and enterprises in Siberia, the Far East and the Far North, which was associated with the development of the natural resources of these regions. The importance of labor was also enhanced during the implementation of the Atomic and Space Project, which also contributed to strengthening the greatness of labor. New forms and new initiatives of production workers born during the implementation of these projects are revealed. At the same time, consumer attitudes that began to mature in the consciousness and behavior of people, which first tangibly manifested themselves during the years of perestroika, are analyzed. Then it is

¹ Окончание. Первую часть статьи см.: Тощенко Ж.Т. Трансформация идей и смысла труда: от культа труда к культу потребления (опыт историко-социологического анализа). Часть I // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 2. С. 274–286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 EDN SXDPZY

² The End. First part of the article is: Toshchenko Z.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part I. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossi=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(2):274-286. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_2_8_274_286 (In Russ.)

shown how, in the conditions of the new Russia, a number of fundamental provisions on the role and importance of labor were subject to corrosion and the cult of consumption began to come to the forefront among value orientations, which gradually became the leading motive among the behavior of a significant number of workers in most sectors of the national economy and culture. Based on statistical and sociological information, the reasons for such a change in relation to labor are revealed, as well as the consequences that led to serious, including negative consequences.

Keywords: USSR, Russia, labor, culture, economy, perestroika, employment, market reforms, consumption

Acknowledgments: the work was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00093.

For citation: Toshchenko Z.T. Transformation of Ideas and Meaning of Labor: from the Cult of Labor to the Cult of Consumption (an Experience of Historical and Sociological Analysis). Part II. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi*=Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2025;21(3):371–383. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_2_371_383 (In Russ.)

Введение

Во второй части статьи анализируется отношение к труду в Советском Союзе во второй половине XX века и в условиях новой России в XXI веке.

За эти годы отношение к труду изменялось в соответствии с происходящими преобразованиями в социально-экономической жизни страны. Если в годы восстановления народного хозяйства и до начала 1960-х годов продолжался экстенсивный рост экономики, то трудовые ориентации были связаны с использованием традиционных сложившихся методов и форм труда. В этих условиях ценность труда оставалась высокой, что подтверждали проводившиеся социологическими исследованиями (например, изучение отношения молодёжи к работе, осуществлённое коллективом ленинградских социологов под руководством В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова). Однако к концу этого периода начала созревать потребность в переходе к интенсивному пути развития, что выразилось в возникновении предпосылок для изменения отношения к труду как в содержательном плане, так и в появлении новых мотивов в поведении работников. Это выразилось в том, что начали созревать потребительские настроения. Эти изменения стали заметны к концу 70-х – началу 80-х годов, затем в годы перестройки, но особенно окрепли при переходе к рыночной экономике в условиях новой России. Ведущее место постепенно стали занимать потребительские мотивы, ориентации и установки. В общественном сознании и поведении начали доминировать не столько что и как человек делает, а что, сколько и как потребляет, как и какими средствами это потребление обеспечивается. В соответствии с этим российское общество столкнулось с непредвиденными последствиями, с резким снижением эффективности производства и даже нулевым или слабым ростом производительности труда, с искажением структуры занятости и ориентации на профессии, позволяющие претендовать на ничем не ограниченное потребление.

Труд как основной критерий оценки деятельности в годы восстановления народного хозяйства в период 1946 – начала 1950-х годов

После окончания Великой Отечественной войны потребовалось внесение существенных корректив в политику по отношению к труду.

Советский Союз понёс колоссальный урон: было сожжено 1740 городов, свыше 70 тыс. посёлков, сёл и деревень, разрушено 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железных дорог, разорено и разграблено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинотракторных станций, в стране сократились посевные площади. Было потеряно 30% национального богатства и более 28 млн человек. В этой ситуации страна испытывала огромные экономические и социальные проблемы.

Особую значимость приобрело решение такой колоссальной по трудности задачи, как обеспечение миллионов уволенных в запас работой и жильём, забота о миллионах покалеченных и пострадавших во время войны. После четырёх лет воздержания и скудного питания люди нуждались в самом необходимом: в жилье, продовольствии, одежде, обуви. На повседневную жизнь в этот послевоенный период влияли и такие деформационные явления, как спекуляция, хищения, преступность, мимикрия бывших полицейских и других прислужников гитлеровского режима, пытавшихся скрыть свои преступные дела.

При этом, несмотря на существующие колоссальные трудности практически во всём, что касалось человека: в трудовом напряжении, отсутствии социальных благ, в реальной бедности, присутствовала эйфория победы. Людей питала надежда на быстрое достижение обещанных целей по решению социально-экономических проблем, что стало основной характеристикой обновлённого общественного договора.³

Сразу после войны все трудоспособное население приступило к выполнению четвёртого пя-

³ История России XX – до начала XXI века: учебное пособие / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 958 с. ISBN 5-699-18159-8

тилетнего плана (1946–1950 гг.), что проявилось в достаточно монолитной общественной поддержке официальной политики, в активном участии всех трудовых ресурсов в восстановлении народного хозяйства страны и его дальнейшем развитии.

Проблемы трудовой мобилизации решались несколькими способами.

Во-первых, произошла организованная добровольная мобилизация на восстановление и возрождение ключевых отраслей промышленности: Донбасса, заводов Центральной и Юга России, Украины и Белоруссии, а также строительство разрушенных до основания таких городов как Сталинград, Минск, Гомель, Севастополь, Смоленск и др.

Во-вторых, огромную мобилизующую роль сыграли так называемые Великие стройки коммунизма – словосочетание, которое использовалось для обозначения наиболее крупных и значимых для народного хозяйства СССР проектов (мегапроектов). Хотя их название употреблялось как идеологическое клише, оно оказало огромное влияние на комплектование кадров для строительства Куйбышевской, Сталинградской, Каховской и Цимлянской ГЭС, Главного Туркменского канала, Оросительных каналов в Южной Украине и Крыму. Но особую значимость приобрёл так называемый сталинский план преобразования природы, который представлял собой комплексную программу, направленную на предотвращение засух, песчаных и пыльных бурь путём строительства водоёмов, посадки лесозащитных насаждений и внедрения травопольных севооборотов в центральных и южных районах СССР, а также в Поволжье, Западном Казахстане, Северном Кавказе и на Украине, значимость которого подтверждается и поныне как эффективная мера по регулированию природных процессов [1, с. 31–36].

В-третьих, произошло изменение структуры военной экономики. Заводы, выпускавшие ранее различные виды вооружения и боеприпасы, в срочном порядке начали диверсифицировать свою продукцию, добавив десятки новых наименований товаров и изделий, что повлекло изменения в технологии и технике производства. За счёт сокращения военных расходов (в 1,9 раза) были значительно увеличены капитальные вложения и ввод в действие основных фондов. В результате за годы четвёртой пятилетки (1946–1950) были восстановлены или построены более 6 тыс. промышленных предприятий. Валовая продукция промышленности в 1950 г. превысила довоенный уровень на 73% (по плану было на 48%). Главное внимание обращалось на широкое использование научно-технического прогресса, который во мно-

гом обеспечивался ростом научных учреждений – их число увеличилось к 1950 г. по сравнению с 1940 г. на 40% [2].

Многие из этих мер сопровождались не только буднями повседневной работы, но и энтузиазмом, верой в достижение высокого стандарта жизни. В ходе этих преобразований появились и новые формы подготовки и организации труда – широкое распространение получили дни новатора производства, школы рационализаторов и изобретателей, дни мастера, технические конференции по вопросам внедрения передовых методов труда. Произошло массовое расширение учреждений фабрично-заводского обучения (ФЗО), высшего и среднего профессионального образования. Стимулировалось наставничество: лучшие производственники, инженеры и техники закреплялись за молодыми рабочими и помогали овладевать профессией, повышать свою квалификацию. Был восстановлен 8-часовой рабочий день. Широкая поддержка населением социально-экономической политики выразилась в укреплении авторитета труда во всех его проявлениях, в согласии на участие в решении как текущих, так и стратегических целей в развитии страны.

Обогащение смыслов труда в годы поисков стратегического обновления (50-е – начало 60-х годов XX века)

После восстановления довоенного уровня производства потребовалась и новая программа социально-экономического развития, которая неминуемо включала в себя достижение как общественных, так личных целей. Этот новый этап в развитии страны начался с осуществления крупных народнохозяйственных планов, под флагом которых были проведены масштабные акции, имевшие не только экономический и социальный характер, но и выполнявшие идейно-нравственные задачи по дальнейшему формированию советского человека.

Одной из таких крупнейших акций стало освоение целины. Уже в 1954–1955 гг. свыше 350 тысяч молодых людей отправились по комсомольским путёвкам в целинные районы. Только в Казахстане в эти годы из разных регионов СССР обосновалось 20 тыс. семей, насчитывавших 40 тыс. трудоспособных. Население Казахстана за период с 1954 по 1959 гг. выросло на 2 млн человек [3].

Целинная эпопея изменила облик приграничных с Казахстаном территорий РСФСР и самого Казахстана, где была сформирована социальная инфраструктура, выросли крупные предприятия, посёлки, города, возросла занятость населения, улучшились условия жизни людей.

Это был самоотверженный труд, имевший большое нравственное признание как всего об-

щества, так и самих новых жителей целины. Тысячи целинников были награждены орденами и медалями, званиями Героя Социалистического Труда, что стало данью людям, самоотверженно работавшим ради достижения большой цели – обеспечения страны продовольствием.

Практически одновременно началась череда общесоюзных акций, которые повлияли на дальнейшее укрепление смыслов труда, на деле став мерилом достоинства большинства людей. Это связано с многолетним процессом освоения Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, которые послужили укреплению торжества трудовых усилий миллионов молодых людей. Эта эпоха началась в мае 1956 г. после обращения ЦК КПСС и Совмина СССР к молодёжи с призывом отправляться на стройки в восточных регионах страны. Это обращение нашло большой отклик – миллионы молодых людей по комсомольским путёвкам пожелали поехать в Сибирь и на Дальний Восток. Именно их руками были построены многие города, проложены железнодорожные магистрали, воздвигнуты Красноярская, Усть-Илимская, Саяно-Шушенская ГЭС, Норильский горно-металлургический комбинат, Красноярский алюминиевый завод. Практически одновременно происходило освоение нефтяных и газовых богатств Западной Сибири.

Но эти статистические данные не в полной мере отражают огромное общественное признание труда тех, кто принял такое решение в своей личной жизни. Быть целинником, поехать трудиться по комсомольской путёвке в Сибирь или Крайний Север было почётно, становилось важной страницей в личной биографии этих людей и обладало идейно-нравственной поддержкой и общественным уважением [4; 5].

Таким образом реализация этих стратегических замыслов имела не только экономическое, но и социально-нравственное значение – она продолжала возвеличивать труд, а его участников считать образцами активной жизненной позиции. Слова «целинник», «комсомольская путёвка» стали для миллионов людей предметом гордости и признательности общества за трудовые свершения.

Не оставались в стороне и те, кто продолжал трудиться на прежних традиционных местах работы. Для них плодотворной попыткой поднять авторитет и значимость труда на сложившихся предприятиях и организациях стало движение за коммунистическое отношение к труду. Таких работников называли ударниками, а их производственные объединения – бригадами коммунистического труда. Это стало своего рода возрождением Коммунистических субботников, которые впервые появились на трудовом фронте.

12 апреля 1919 г. группа рабочих станции Москва-Сортировочная (15 человек, из них 13 коммунистов) по собственной инициативе отремонтировали 3 паровоза, что позволило Ленину назвать это героизмом в трудовой жизни в условиях разрухи народного хозяйства и продолжающейся гражданской войны [6].

Но это новое движение и новое название было принципиально иным – работать по-новому предлагалось не только в специально проводимые субботники и воскресники, а в процессе постоянно выполняемых трудовых обязанностей.

Идея организации бригад коммунистического труда была выдвинута 11 октября 1958 г. на собрании комсомольско-молодёжного коллектива тепловозоремонтного цеха депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги. Члены бригад коммунистического труда брали на себя обязательства: работать высокопроизводительно, организованно, экономично; настойчиво внедрять новую технику и технологию; применять у себя всё передовое, прогрессивное; неустанно совершенствовать свою производственную квалификацию, овладевать марксистско-ленинской теорией, повышать общеобразовательный уровень; воспитывать в себе лучшие качества человека нового общества; быть всесторонне духовно и физически развитым, примером в быту, поведении, отношении к общественному долгу. Этот почин стал стремительно развиваться, получил общественное одобрение и признание. Быть участником этого движения было почётно, им гордились, стремились соответствовать. И главное – быть примером не только в труде, но и в общественной, и в повседневной жизни. По данным Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, проведённого в мае 1960 г., в соревновании участвовали более 5 млн рабочих, служащих и колхозников, свыше 4 тыс. бригад, участков, смен и цехов. Более 100 тыс. рабочих были удостоены этого звания.⁴

Однако, это движение вскоре угасло, на наш взгляд, из-за бюрократического, насаждаемого сверху, подхода – вовлечь в это движение максимальное количество работников, в результате чего директивно создаваемые коллективы ничем не отличались от прежних. Реализация этого почина осложнялась и объективными обстоятельствами: страна стала терять темпы экономического развития. Рос уровень хозяйственных нестыковок, неурядиц, усложнявшихся проведением хаотичных хрущёвских реформ управления в стране.

⁴ Бригады коммунистического труда // Советская историческая энциклопедия: в 12 т. / под ред. Е.М. Жукова. Том 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. 1022 с.

В результате, если экономика СССР на протяжении 1950-х годов росла исключительно высокими темпами – в среднем на 10,5% в год, то в начале 1960-х годов эти темпы резко снизились. В 1963 г. среднегодовой темп прироста национального дохода составил 4% против 12% в середине 1950-х годов; среднегодовой рост производительности труда в 1964 г. составил лишь 4% против 7–8% в предшествующей пятилетке. В сельском хозяйстве прирост объёмов продукции в семилетке составил 14% вместо изначально запланированных 70%.

Согласно докладу Президиума Академии наук СССР председателю Совмина СССР А.Н. Косыгину, подготовленному в декабре 1964 г., в группе промышленности Б (производство потребительских товаров и услуг) падение роста составляло 40% – с 9,3% в 1954 г. до 6,5% в 1963 г.; в сельском хозяйстве рост в 1963 г. достиг нулевой отметки; прирост капитальных вложений за десять лет сократился в четыре раза – с 15% до 4% [7].

Попытки обновления трудовых отношений во второй половине 1960-х – начале 1980-х годов

Несмотря на рост экономики в целом и надежды советского руководства «догнать и перегнать США», национальный доход СССР составлял лишь 53% от американского; производительность труда продолжала быть низкой как из-за технического отставания, так и из-за «человеческого фактора» – более низкой квалификации работников, «бесхозяйственности», неразумных трат ресурсов из-за отсутствия «хозяйского» отношения к ним. Замедление экономического роста сказывалось на социально-экономическом положении страны: замедлился рост уровня жизни населения, увеличился товарный дефицит, усилилась инфляция, ухудшилось качество многих видов продукции. Недовольство экономическим положением охватывало всё большие слои населения и сопровождалось появлением оппозиционных политических настроений в виде диссидентского движения [8].

Все это привело к тому, что после отстранения Н.С. Хрущева от власти были предприняты действия по осуществлению кардинальных социально-экономических преобразований, которые вошли в историю как Косыгинские реформы по имени Председателя Совета Министров СССР. Эти реформы предусматривали внедрение образа рыночных реформ, повышение самостоятельности предприятий и развитие инициативы низовых звеньев экономики.

Начавшиеся в 1965 г. реформы представляли собой комплекс следующих мероприятий: пред-

приятия становились основной хозяйственной единицей, расширялась их хозяйственная самостоятельность; сокращалось количество директивных плановых показателей (с 30 до 9); предприятиям было дано право самостоятельно определять детальную номенклатуру и ассортимент продукции, за счёт собственных средств осуществлять инвестиции в производство, устанавливать долговременные договорные связи с поставщиками и потребителями, определять численность персонала, размеры его материального поощрения. Ключевое значение придавалось интегральным показателям экономической эффективности производства – прибыли и рентабельности, за счёт которых предприятия получали возможность формировать фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурного назначения, жилищного строительства и др. В сельском хозяйстве закупочные цены на продукцию повышались в 1,5–2 раза, гарантировалась льготная оплата сверхпланового урожая, снижались цены на запчасти и технику, уменьшались ставки подоходного налога на крестьян.

Эти меры породили многочисленные эксперименты, в которых апробировались различные варианты хозяйствования. Так, в 1967 г. на Щёкинском химкомбинате (Тульская область) начался экономический эксперимент, суть которого заключалась в уменьшении численности работников за счёт освоения ими нескольких профессий и самостоятельного распоряжения фондом оплаты труда, результатом чего стало резкое увеличение производительности труда.

В совхозе Илийский (Алма-Атинская область) И.Н. Худенко поставил эксперимент по внедрению безарядно-звеньевой системы организации и оплаты труда. И.Н. Худенко перевел хозяйство на полный хозрасчёт, подкреплённый прямым материальным стимулированием работников, когда оплачивались достигнутые результаты, а не затраченные усилия. Экономические результаты эксперимента были ошеломляющими. За первый же сезон производство зерна в совхозе выросло в 3 раза, прибыль на одного работающего в 7 раз, а себестоимость центнера зерна упала с 7 рублей до 63 копеек. Производительность работников в механизированных звеньях за год увеличилась почти в 20 раз [9].

Такие попытки принципиально новой организации труда множились в результате существенных изменений в социально-экономической политике. Этот позитивный настрой продолжали и прежние формы мобилизации трудовых ресурсов, особенно в районах нового освоения. Достаточно сказать, что к началу 1970-х годов действовало более 150 крупных объектов народного

хозяйства, имеющих статус ударных комсомольских строек. Всего за эти годы по комсомольским путёвкам в стране трудилось 1350 тыс. человек. А если учесть и локальные региональные комсомольские стройки, то цифру вовлечённых в эти виды труда можно увеличить в 2–3 раза. Сейчас эти цифры кажутся нереальными, как и сама ситуация, когда молодые люди из Москвы, Ленинграда из других городов и благоустроенных мест отправлялись в необжитые земли, чтобы развивать народное хозяйство. Последней в истории комсомольских строек стал БАМ, на возведении которой трудилось 45 тыс. человек [4; 5].

В эти годы получили развитие и другие формы раскрытия творческих возможностей людей, особенно молодёжи. Говоря о существующем и принятом в народе ориентире – честь труду, следует сказать и о появлении, а затем распространении такой специфической формы труда как студенческие стройотряды. И эта социальная общность, студенты, хотели проявить себя, одновременно решая учебные и жизненные потребности, сочетая участие в производственной деятельности с удовлетворением личных устремлений. Хотя стройотряды как отдельные примеры существовали на всех этапах советского образования, но массовое их распространение началось с эпохи освоения целинных и залежных земель, завершив организационное оформление в 1960-е годы, когда в 1966 году состоялся первый Всесоюзный слёт студенческих строительных отрядов (ССО), где был принят единый для всех отрядов Устав, а в 1969 г. создан центральный штаб ССО в ведении ЦК ВЛКСМ. Это было беспокойное и неутомимое племя молодых романтиков XX века. Только ещё начинавшие жить, они уже стремились доказать как много можно сделать своими руками, с рюкзаком и гитарой ехали в тайгу, на целину, в другие необжитые места, чтобы прокладывать дороги и линии электропередач, возводить жильё, строить новые предприятия, убирать урожай. Они всегда оказывались там, где трудно, где нужнее всего крепкие руки и задор юности. И неслучайно стройотрядовское движение стало одной из самых ярких страниц истории комсомола, пережившее своих создателей и шагнувшее в XXI век [10].

В эти годы развитие и функционирование советского общества ознаменовались преобладанием позитивного настроения населения ко всему происходящему, что в значительной степени было связано с очевидными положительными изменениями в публичной и повседневной жизни. Были ослаблены и устранены ограничения, связанные со смягчением контроля за жизнью людей, организацией их деятельности.

Перестройка: коррозия смыслов труда

В 1980-е годы в период перестройки возникла новая социально-экономическая ситуация, когда на первый план вышли внешне привлекательные, но слабо связанные с повседневной жизнью человека и усиленно декларируемые права и свободы человека: гласность, неограниченный доступ к информации, свободный выезд за границу, возможность создания различных организаций и другие либеральные ценности. В этой ситуации всё, что было связано с трудовой жизнью человека, ушло на второй и третий план и перестало быть в центре внимания. Показательны в этом отношении исследования экономического сознания, проведённые Центром социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1985–1991 годах, который показал, что в начале перестройки 80–85% работников заявляли, что они имеют резервы по повышению эффективности и производительности труда, то при опросе в 1991 г. об этом говорили только 10–12% [11].

Данная ситуация во многом объясняется тем, что рациональные идеи постепенного перехода к рынку, обоснованные Комиссией по экономической реформе при Совете Министров СССР под руководством академика Л.И. Абалкина были отвергнуты и на их смену пришла либеральная идея, пропагандировавшая внедрение «трофейной экономики» по образу и подобию западных стран, в основном США [12].

Такая политика и установка постепенно привели к ориентации общественного мнения к тому, что во все большей мере достоинство и значение человека стали измеряться тем, сколько он зарабатывал, сколько он мог получить от государства, от работодателя. Все большее распространение получило и ослабление коллективистских отношений, огромные масштабы приобрела пропаганда индивидуализма. Резко уменьшилось число ориентирующихся только на содержание труда – таких в 1990 г. оказалось всего 12% [11]. Этому в немалой степени способствовало принятие непродуманных, слабо обоснованных решений, таких как Закон об индивидуальной деятельности, а спустя некоторое время – Закон о кооперативах, когда на первый план стали выходить не показатели производственной деятельности, а объёмы и виды дохода, прибыли, которые нередко достигались за счёт государственных предприятий.

На наш взгляд, к тенденции снижения значимости труда повлияло и то, что государство не предложило, особенно для молодёжи, общественно-значимых целей, при реализации которых он мог проявить себя, обрести новый уровень профессионального самоопределения и общественного признания. Для значительной части

населения в условиях распадающейся экономики стало определяющим не сама работа, а обеспечение повседневного уровня жизни при все растущем дефиците. Нормой поведения для многих людей стало не что делать, а где достать, как решить нарушившийся ритм повседневной жизни.

Все это позволяет сделать вывод, что культ труда, который сформировался в стране начиная с первых пятилеток, в годы перестройки, стал терять свою возвышающую и мобилизующую роль и постепенно утрачивал свою привлекательность, общественную значимость и авторитет. Вместо него на первый план вышли эрзац-ориентиры, которые подвергли сомнению и заменили прежние установки. Это произошло не без участия государственной политики в сфере экономики и оценки общественной значимости такого феномена как занятость, её регулирование и стимулирование.

Новая Россия: меркнущая ценность труда и наступление потребительства

Рыночные реформы в России после начала их активного внедрения постепенно привели к кардинальным изменениям по отношению к труду, к пересмотру ранее существующих его оценок и внедрению иных представлений о его назначении и смысле.

Объективной основой изменения прежнего, советского представления о смысле труда стало несколько причин.

Во-первых, произошло резкое сокращение работников промышленности и других отраслей экономики. По подсчётам В.М. Симчеры, бывшего директора НИИ статистики, приватизация 42 тыс. предприятий обернулась закрытием 30 тыс. из них, что означало выброс миллионов рабочих и инженерно-технических работников на рынок труда с представлением им права, провозглашенного либералами, быть лично ответственными за выбор своего жизненного пути, но без гарантии трудовой занятости.⁵

Во-вторых, началась утрата огромного интеллектуального потенциала, так как миллионы свободных рук квалифицированного труда были вынуждены заняться поиском самых различных ниш приложения своего профессионального мастерства (так называемые челноки, занятие примитивными формами обслуживания и торговли, работа охранниками). Кстати, последние – охранники – постепенно заняли одно из ведущих мест в социально-профессиональной структуре общества. По словам В.Ю. Ляшок, старшего науч-

ного сотрудника Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, охраной граждан и собственности, включая самих охранников, полицейских, пожарных и других представителей органов правопорядка, занимается 2,4 млн человек, что составляет 3,5% численности всех работников в стране. В результате Россия уже сегодня в числе стран-лидеров по числу охранников на душу населения: 525 человек на сто тысяч.⁶

В-третьих, произошла принципиально иная трактовка места труда в жизни человека. Если в Конституции СССР прямо и беспрекословно провозглашалось (и обеспечивалось) право на труд, то в Конституции РФ это право звучит по-другому. Согласно статье 37, «Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию», что далеко от того, что человеку обеспечена гарантия на трудовую деятельность. Такая оценка-обещание в немалой степени способствует уменьшению авторитета труда, так как имеет явный контекст, исходящий из либеральной идеи – сам человек ответственен за свою судьбу.

В-четвёртых, социальная ценность труда стремительно падает в результате растущего социального расслоения. Произошла небывалая в истории концентрация богатства у узкой группы лиц, причастных к осуществлению властных функций в так называемые лихие 90-е. В России, по данным Т. Пикетти, за последнюю четверть века кумулятивный рост верхнего 1% по доходу составил 400%, для средних слоев – от 0 до 1%, а у бедных он был отрицательным [13]. Этот разрыв продолжает существовать и по отношению к оплате труда топ-менеджеров и рядовых работников: по подсчётам Б. Бронштейна, при 8-часовом рабочем дне топ-менеджеры зарабатывают в час по 62,5 тыс. руб., или по 1 тыс. рублей в минуту и по 17 руб. в секунду [14, с. 39].

Это социальное расслоение дополняется тем, что сложился и продолжает формироваться разрыв в оплате труда оставшихся работать на государственных предприятиях и теми, кто начал трудиться на частных и акционерных организациях, что привело к перетоку многих квалифицированных кадров в частный сектор. Основное различие между работой в этих секторах заключается в том, что государственные служащие, работающие в государственном секторе, сосредоточены на решении общественно значимых и необходимых стране задач, далеко не всегда сориентированных на их рыночную значимость. Работа в частном секторе направлена на получение прибыли за счёт продажи товаров и услуг, невзирая, как они

⁵ Симчера В. Узаконенное расхищение // Аргументы и факты: [сайт]. № 23. 07.06.2017. URL: https://aif.ru/money/economy/25_let_privatizacii_v_rossii_chno_ostalos_ot_strany_zavodov_i_fabrik (дата обращения: 28.03.2025).

⁶ Численность охранников в России продолжит расти // Российская газета: [сайт]. URL: <https://www.rg.ru/2024/04/15/chop-s-nimi.html> (дата обращения: 25.03.2025).

связаны с общественным благом. В этой ситуации именно прибыль становится мерой оценки труда, а не его общественная значимость, что формирует различное отношение к труду, особенно у тех, кто только начинает свой жизненный путь.

Одновременно пропагандировалась ориентация на личные интересы, возможность удовлетворения которых может состояться, как утверждалось в либеральных теориях, только в рыночных условиях.

В-пятых, усиленно навязывались стандарты «западного» образа жизни как обеспечивающего подлинно демократическое существование человека. И это давало достаточно значимый эффект, потому что в нём уделялось основное внимание не тому, что человек производит, а тому, сколько, как и каким образом он потребляет. При таком подходе развенчивался советский образ жизни, его ориентация на трудовые ценности, происходил поиск негативных и проблемных сторон в советской политике и практике организации производства и труда (которых, к слову, было немало). Под прикрытием этой критики, носившей разоблачительный характер, отвергалось всё, что относилось к советскому периоду.

Этому в значительной степени способствовала и официальная установка. По мнению бывшего министра Минобрнауки РФ А.А. Фурсенко, «главная ошибка советской школы в том, что она растила человека-творца, а задача современной школы в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя».⁷

В-шестых, размыванию прежних ориентаций и оценок труда, изменению социально-психологического отношения к труду работников материального и культурного производства в немалой степени способствовало то, что из информационной повестки дня исчезло повествование о массовых профессиях. На первый план вышли сообщения о начинающих и преуспевающих бизнесменах, многочисленные рассказы об образе жизни представителей шоу-бизнеса, спортсменов, блогеров и даже экстравагантных профессий в виде целителей, магов, колдунов и пр. В школах в рамках профориентации детям рассказывали о финансовой грамотности или как завести собственное личное дело, рассказы сопровождались хвалебным описанием каких-то отдельных случаев реализации такой установки. И это при практически полном исчезновении любой информации об инженерной и учительской профессии, а также таких необходимых (несмотря на рекламу об ИТ-профессиях) видах занятости как токарь, слесарь, фрезеровщик, монтажник и др.

⁷ Наша задача вырастить квалифицированного потребителя – министр образования Андрей Фурсенко [видеозапись] // VK Video. 20 октября 2020. URL: vk.com/video12157091_456239026 (дата обращения: 21.03.2025).

Одновременно велась никем не обузданная пропаганда «хлебных» профессий, особенно юристов, менеджеров, экономистов (финансистов), что привело фактически к чудовищному перекосу в их подготовке в ущерб всем остальным профессиям. Напомню, что в 2023 г. именно эти специальности составили более 46,2% (то есть практически каждый второй) специальностей выпускников всех вузов. Сейчас пришло осознание сотворённого ранее. Приняты меры по расширению подготовки инженеров. Воссоздано уже около 50 инженерных школ при ведущих университетах страны. Стало активно пропагандироваться обучение в колледжах, техникумах, школах средней и начальной профессиональной подготовки. Но ясно, что нужны годы, чтобы из этого потока начинающих специалистов, так остро необходимых экономике, вышли квалифицированные кадры, соответствующие потребностям четвёртой и начинающейся пятой промышленных революций.

В-седьмых, деформации и искажению смысла труда способствует и политика оплаты труда. Напомню об объективной основе такого показателя как оплата труда и её доли в ВВП страны. Если в 2013 г. она составляла 46%, то в 2022 г. – около 39%. С этим показателем коррелирует и оплата труда в структуре затрат предприятий. Она в течение последних 10 лет не росла, а наоборот сокращалась: с 28% в 2013 г до 22% в 2022 г. Этот показатель наглядно говорит о растущей эксплуатации труда.⁸ Именно неудовлетворённость оплатой труда и порождает различные формы конфликтных ситуаций и неудовлетворённости её размерами. По данным всероссийского опроса в 2023 г. 54,9% работников высказали неудовлетворённость оплатой труда, 42,3% – низкой оплатой и 12,6% – неясностью в оплате труда [14, с. 408].

И наконец, особо отметим, что *прежние социальные классы и общности – рабочий класс, крестьянство, интеллигенция – потеряли свою прежнюю относительную гомогенность* и превратились в множество общностей (страт, слоев) и групп, резко различающихся по своему социальному положению, материальному благосостоянию, возможностью обеспечить себе стабильное будущее, не говоря о разных степенях участия в общественно-политической и социальной жизни.

Иначе говоря, в настоящее время реально существующие классы и социальные общности нельзя в полной мере охарактеризовать при помощи прежних показателей – классовой принадлежности – место в системе общественного про-

⁸ Башкатова А. Молодежь нашла зарплатные лазейки // Независимая газета: [сайт]. 21.01.2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-01-20/1_9174_income.html (дата обращения: 12.02.2025).

изводства; отношение к средствам производства; роль в общественной организации труда; способ получения доли общественного богатства [15, с. 388].

На наш взгляд, основным признаком стало такое важнейшее социально-экономическое качество как прекарность (неустойчивость, нестабильность) труда и жизни многих их представителей. По подсчётам ряда исследователей, численность этого становящегося класса стала достигать от 50 до 70% [16, с. 40]. Реальностью стал факт, что именно прекарные слои и группы стали определять не только трудовое, но и социальное лицо общества. Прекарии тоже вынужденно включились во все нарастающую ориентацию на потребление.

Немалый вклад в создании атмосферы потребления стало превращение сферы образования, культуры и здравоохранения в сферу услуг. Их деятельность начала оцениваться с позиций возможности привлечения средств населения в оплату обучения особенно в высшей школе, удовлетворения культурных потребностей или более углубленной медицинской помощи. Реализация этих установок привела к тому, что в 2024 г. каждый второй студент оплачивал своё обучение: в российские вузы поступило около 1,37 млн человек при доле оплачивающих обучение 54,7%. Причём уклон был сделан на юридические и экономические специальности: в 2024 г. на юриспруденцию поступили 119 800, на экономику – 69 000 студентов.

И хотя около 40% бюджетных мест в университетах в последние годы выделялись на инженерно-технические специальности, конкурсы на них были незначительными, а в ряде провинциальных ВУЗов он даже не всегда обеспечивался. Этот перекос и невнимание к ключевым проблемам развития экономики привели к тому, что российским компаниям не хватает около 600 000 инженеров, о чём говорила вице-президент по HR и организационному развитию производителя электроники «Аквариус» Виктория Хаба в ноябре 2024 г. В том же месяце глава комитета Госдумы по контролю О.В. Морозов оценил дефицит кадров на предприятиях военно-промышленного комплекса почти в 400 000 человек.⁹

В результате такой ориентации на подготовку кадров сложилась ситуация, когда насущные требования экономики и культуры страны не могут быть удовлетворены из-за серьёзных просчётов по обеспечению технико-технологического

преимущества страны по сравнению с мировой экономикой. Показательны в этом отношении официальные данные об оплате труда. Среди 10 самых массовых профессий по величине оплаты труда указан только буровой мастер, средняя зарплата которого составляет 90 тысяч рублей с максимально доступным заработком в 180 тысяч рублей.¹⁰

Анализ ситуации показывает, что основные инженерные профессии проигрывают тем, кто занят в управлении, в финансовой деятельности, является специалистом по таким «модным» специальностям как визажисты, флористы, косметологи, дизайнеры и др. Хотя в настоящее время приобретают большую значимость IT-профессии, основную массу все же составляют те, кто обеспечивает работу массового производства. А оплатой труда, как показывает опрос рекрутинговой компании Get expert, полностью удовлетворены только 7% при 38 % частично удовлетворённых и 55 % неудовлетворённых [17].

Отношение к труду в той или иной степени всё больше и больше коррелирует с тем, насколько он обеспечивает приемлемую жизнь. Ради этого, по данным Института социологии ФНИСЦ РАН (апрель 2024 г.), люди все чаще и чаще практикуют работу сверхурочно (30%), используют дополнительную (17%), временную или эпизодическую (35%) занятость. При этом рабочая неделя свыше 40 часов стала нормой более чем для 55% работающих россиян [18, с. 99, 107].

То, что человек потребляет, как и за счёт чего он проводит и организует свое время, стало выходить на первое место среди определений социального положения человека. Стало не только модным, но и престижным демонстрировать то, чем человек владеет, как и где он проводит отпуск, сколько тратит на развлечения, какое время проводит в ресторанах и престижных учреждениях. И несмотря на то, что почти 80% россиян проводят отпуск на даче, с экранов телевизоров и в социальных сетях полно рассказов о проведении отдыха на Бали, в Куршавеле, Багамских островах и другим доступным бомонду местах. Демонстрация потребления стала характерной чертой, которой стали не только гордиться, но и попрекать тех, кто не смог вписаться в современные реалии «трофейной» экономики. Нравственные оценки отошли в прошлое при утвердившемся лозунге: «Если ты умный, то почему ты бедный?».

Все это позволяет сделать вывод, что смыслообразующей сущностью жизненного мира россиян становится ползучая переориентация на

⁹ В 2024 году в российские вузы поступили 748 800 студентов-платников // ВЕДОМОСТИ: [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/04/1089986-v-2024-godu-v-vuzi-postupili-748-800-studentov-platnikov?from=copy_text (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁰ 10 лучших профессий 2024 года // Exam Clouds [сайт]. URL: <https://www.examclouds.com/ru/publications/10-luchshih-professiy-2024-goda-kto-poluchaet-samye-vysokie-zarplaty> (дата обращения: 20.02.2025).

разные варианты потребительства в зависимости от имущественного и финансового положения. В этой ситуации труд превращается в инструмент решения материальных проблем, теряет свою прежнюю сущность как ценность жизни, во все большей мере свидетельствуя, что культ труда уходит в прошлое, уступая место провозглашенному и утверждаемому культу потребительства.

Однако стоит отметить, в последнее время приняты меры, когда ряд проблем, касающихся смысла жизни человека, начинает решаться в связи с обращением внимания на идейные и нравственные основы жизнеустройства россиян: отказ от Болонского процесса и разработка новой стратегии образования, возрождение внимания к инженерному труду и рабочим профессиям, признание роли науки в обеспечении задач четвертой и наступающей пятой промышленных революций, поворот к самостоятельности и независимости при решении основополагающих социально-экономических проблем.

Заключение

Осуществленный анализ трансформации идей и смысла труда отношений позволяет сделать вывод, что она происходила под влиянием и в результате взаимодействия основных участников этого процесса – трудоспособного населения и государства.

Что касается работающего населения, то формирование культа труда имело историческую и нравственную основу. В народной памяти и в традиции всегда высоко ценился человек, который эффективно выполнял трудовые функции в избранной им сфере производственной деятельности. При этом особую общественную значимость приобретали люди, знатоки своего дела, умельцы, то есть те, кто не только де факто выполнял работу, а проявлял инициативу, воплощал в дела свои способности творца материальных и/или духовных ценностей.

Поэтому вполне естественным выглядело побуждение созидательных сил в годы первых пятилеток, когда формировался культ труда. В это время наряду с массовыми акциями по налаживанию труда миллионов людей, участвующих в развернувшемся процессе созидания новой экономики, осуществлялась максимальная поддержка таких инициатив как ударничество, стахановское движение, развертывание рационализаторства и изобретательства. Это отношение к труду получило распространение и в годы Великой Отечественной войны, получив безоговорочное признание необходимости трудиться до 12 и более часов, без выходных и отпусков, со стремлением выполнять и перевыполнять нормы выработки,

что проявилось в движении двух- и трёхсотников, которые в два либо три раза перевыполняли производственные задания.

В 1950–1970-е годы в общенародном потоке добросовестного труда особую роль в поддержании его значимости и величия сыграли такие масштабные государственные программы, как освоение целины, природных богатств Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, когда миллионы советских людей, в основном молодёжи, реализовали свое стремление к созидательному труду, желанию проявить свою творческую энергию, достичь общественного признания и уважения и одновременно сформировать себя как нравственную личность, успешно сочетающую в себе общественные и личные интересы. Но и на других производствах, в так называемых старых районах приложения труда, в уже существующих производствах также шли поиски возвышения роли труда. Это особенно наглядно проявилось в движении за звание ударника и коллектива коммунистического труда.

Говоря о позиции государства в решении проблем труда нужно отметить его целеустремленное, принципиально иное отношение не только по обеспечению самого трудового процесса миллионов работающих на производстве, но и на стремление превратить из самого факта его необходимости, важности и значимости в основную ценность как трудовой жизни, так и всего образа жизни. Смыслообразующая сущность труда стала и предметом государственной пропаганды по формированию позитивного отношения общественного сознания к любому виду труда. Государственная политика по превращению труда в «дело чести, доблести и геройства» была сформирована в годы мобилизационной экономики начиная с 1930-х годов. Именно в эти годы начал в полном масштабе формироваться культ труда, который варьировался в своих конкретных формах проявления за все годы существования советской власти. На этом пути в политике государства осуществлялись разные подходы и реализовывались разнообразные варианты по отношению как к труду в целом, так и его конкретным носителям в различных сферах экономики и культуры. Отметим, что этот процесс сопровождался не только успехами, но и просчётами, особенно в 1980-е годы перестройки, когда были подвергнуты сомнению и даже отвержению основы, определяющие ценность труда в ходе непродуманных, лихорадочных реформ по преобразованию экономики.

В условиях новой России труд стал терять накопленное качество как гуманистической сущности жизненного мира людей. Осуществляемые рыночные реформы не были нацелены на раскры-

тие глубинного смысла труда в силу того, что они строились на принципах «трофейной экономики», которая нацелена на использование ранее накопленного цивилизацией материального потенциала в качестве источника извлечения краткосрочной прибыли [12, с. 82]. К этому определению, на наш взгляд, следует добавить, что российская экономика в период рыночных реформ строилась на основе заимствования и копирования форм и методов, апробированных в других государствах и других культурах. И их механическое перенесение на российскую почву привело к тому, что (не говоря о глубоко финансово-экономических проблемах) ранее сформированное отношение к труду стало замещаться культом потребления, смещением внимания людей к таким ценностным ориентирам, как потребительство. В отличие от культа труда культ потребительства поставил в центр внимания доход, прибыль, собственность, финансовые ресурсы с одновременной демонстрацией богатства и показного времяпровождения.

Внимание людей, особенно молодёжи, начало смещаться к тому, что ценность труда стала подвергаться сомнению. По данным социологических исследований стала фиксироваться «меркнущая ценность труда». Например, 24,9% оп-

рошенных согласились с тем, что «если люди не хотят работать, пусть не работают». В то же время 36,3% россиян отметили суждение, что «работа есть обязанность перед обществом», что говорит о том, что идея долженствования относительно трудовой деятельности ещё присутствует в российском обществе [18]. Возможно, эта тенденция коррелирует и с таким выводом: «Создаётся впечатление, что в мире происходит постепенное, но постоянное, неумолимое и последовательное вытеснение идеологии честного труда альтернативной ей идеологией финансового успеха» [19, с. 83].

Подводя итоги сказанному, можно сделать обобщающий вывод: стоит говорить о возрастающем отчуждении труда, о превращении его из смыслообразующей сущности в средство удовлетворения потребностей, которое всё в большей мере приобретает ведущее место среди мотивов поведения людей. Но одновременно с этим процессом происходит превращение труда в средство, механизм эксплуатации, но на новой основе, нежели в капиталистическом прошлом, и замещением его на потребительские установки, на то, что человек как потребитель становится целью на всех этапах своей жизни, начиная с процесса обучения.

Список источников

1. Корчемкина Е.Е. Сталинский план преобразования природы: трудности и успехи его реализации в Адыгее (1948–1953 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3. С. 31–36. EDN KZDREF
2. Голенков А. Империя СССР. Народная сверхдержава. М.: Эксмо, 2010. 256 с. ISBN 978-5-699-41604-2
3. Вережагин Т.Г. 60 лет целинной эпопеи: этапы, значение // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. Статья № 1468. EDN TGRBND
4. Бузало В.И. Ударные комсомольские стройки – школа интернационализма советской молодежи. Киев: Наук. думка, 1986. 134 с.
5. Всесоюзные ударные стройки в истории XX века: Сборник статей / отв. ред. А.С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 204 с. ISBN 978-5-94981-189-4
6. Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919–1920 гг. / под ред. Г.Д. Костомарова. М.: Московский рабочий, 1950. 352 с.
7. Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / под науч. ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. М.: КНОРУС, 2019. 352 с. ISBN 978-5-406-07214-1
8. Митрохин Н.А. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах: в 2 т. Том 1. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 504 с. ISBN 978-5-4448-1866-4
9. Тощенко Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография]. ФНИСЦ РАН; РГГУ. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024> EDN LXHNHUK
10. Приступко В.А. Студенческие отряды: исторический опыт 1959–1990 годов. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. 294 с. ISBN 978-5-98079-469-9
11. Человек и экономика (результаты социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. 94 с.
12. Неклесса А. Рах Economisana: геоэкономическая система мироустройства // Экономическая наука современной России. 999. № 1. С. 71–89. EDN IBCBKH
13. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginum, 2015. 592 с. ISBN 978-5-91103-271-5
14. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Р.И. Анисимов, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева [и др.]; под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2023. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7 EDN IEJRKS

15. Ленин В.И. Великий почин // Полное собрание сочинений: в 55 т. Том 39. М.: Политиздат, 1972. С. 1–29.
16. Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения: научная монография / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, А.В. Попов, И.А. Шичкин; под ред. В.Н. Бобкова. Ижевск: Шелест, 2023. 104 с. ISBN 978-5-907677-41-8 EDN HKEDFC
17. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1 EDN VKRCMM
18. Российская повседневность сегодня: по материалам социологического мониторинга (2014–2024 гг.). М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 130 с.
19. Шевченко И.О. Мотивация труда российских работников // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 2. С. 72–85. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-72-85> EDN DGZEUF

Информация об авторе:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет; главный научный сотрудник, Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (SPIN-код: 7025-0028) (РИНЦ Author ID: 1382) (ResearcherID: R-4569-2016) (Scopus Author ID: 6507646287)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 11.09.2025.

References

1. Korchemkina E.E. Stalinskii Plan Preobrazovaniya Prirody: Trudnosti i Uspekhi Ego Realizatsii v Adygee (1948–1953 gg.). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*=*Bulletin of Adyghe State University. Series «Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Cultural studies»*. 2009;(3):31–36. (In Russ.)
2. Golenkov A. Empire of the USSR. People's Superpower. Moscow: Publishing House Eksmo; 2010. 256 p. ISBN 978-5-699-41604-2 (In Russ.)
3. Vereshchagin T.G. 60 Years of the Virgin Epic: Stages, Value. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*=*Modern Problems of Science and Education*. 2024;(6),1468. (In Russ.)
4. Buzalo V.I. Shock Komsomol Construction Projects - a School of Internationalism of Soviet Youth. Kyiv: Nauk. Dumka; 1986. 134 p. (In Russ.)
5. Bushuev A.S. (ex. ed.) All-Union Shock Construction Projects in the History of the 20th Century. Collection of Scientific Papers. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 2015. 204 p. ISBN 978-5-94981-189-4 (In Russ.)
6. Kostomarov G.D. (ed.) *Kommunisticheskie Subbotniki v Moskve i Moskovskoi Gubernii v 1919–1920 gg.* Moscow: Publishing House Moskovsky rabochy; 1950. 352 p. (In Russ.)
7. Nureev R.M., Latov Yu.V. (sci. eds.) *Upushchennyi Shans ili Poslednii Klapan? (k 50-letiyu Kosygin'skikh Reform 1965 g.)*. Moscow: Publishing House KNORUS; 2019. 352 p. ISBN 978-5-406-07214-1 (In Russ.)
8. Mitrokhin N.A. Ocherki Sovetskoi Ehkonomicheskoi Politiki v 1965–1989 Godakh. In 2 volue. Vol. 1. Moscow: Publishing House Novoye Literaturnoye Obozrenie; 2023. 504 p. ISBN 978-5-4448-1866-4 (In Russ.)
9. Toshchenko Zh.T. Sud'by Obshchestvennogo Dogovora v Rossii: Ehvolutsiya Idei i Uroki Realizatsii. Monograph. FCTAS RAS; RSUH. Moscow: FCTAS RAS; 2025. 844 p. ISBN 978-5-00258-037-8 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024> (In Russ.)
10. Pristupko V.A. Studencheskie Otryady: Istoricheskii Opyt 1959–1990 Godov. Moscow: Publishing House of Moscow Humani-tary University; 2008. 294 p. ISBN 978-5-98079-469-9 (In Russ.)
11. Toshchenko Zh.T. (ed.) *Chelovek i Ehkonomika (Rezultaty Sotsiologicheskogo Analiza)*. Moscow: Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU; 1990. 94 p. (In Russ.)
12. Neklessa A. Pax Economicana: Geo-Economic Axis of the World System. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*=*Economics of Contemporary Russia*. 1999;(1):71–89. (In Russ.)
13. Piketty T. Capital in the 21st century. Moscow: Publishing House Ad Marginum; 2015. 592 p. ISBN 978-5-91103-271-5 (In Russ.)
14. Toshchenko Zh.T. (ed.), Anisimov R.I., Bulanova M.B., et al. *Zhiznennyi Mir Rabotnikov: Ustoichivost' versus Prekarnost'*. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2023. 462 p. ISBN 978-5-7777-0938-7 (In Russ.)
15. Lenin V. I. The Great Initiative. In: Complete Collected Works in 55 vol. Vol. 39. Moscow: Publishing House Politizdat; 1972. P. 1–29. (In Russ.)
16. Bobkov V.N. (ed.), Odintsova E.V., Popov A.V., et al. The Impact of Precarization on the Quality of Employment and the Standard of Living of Generational Groups of Economically Active Population. Scientific Monograph. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2023. 104 p. ISBN 978-5-907677-41-8 (In Russ.)

17. Toshchenko Zh.T. Precariat: From Protoclass to New Class. Moscow: Publishing House Nauka; 2018. 350 p. ISBN 978-5-02-040118-1 (In Russ.)
18. Rossiiskaya Povsednevnost' Segodnya: po Materialam Sotsiologicheskogo Monitoringa (2014–2024 gg.). Moscow: FCTAS RAS; 2024. 130 p. (In Russ.)
19. Shevchenko I.O. Russian Employees Motivation. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*=*Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series Philosophy. Sociology. Art Studies*. 2022;(2):72–85. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-72-85> (In Russ.)

Information about the author:

Zhan T. Toshchenko – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Sociology Department, Russian State Humanitarian University, Chief Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(SPIN-code: 7025-0028) (RSCI Author ID: 1382) (ResearcherID: R-4569-2016) (Scopus Author ID: 6507646287)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 11.09.2025.